

А.С. ПУШКИН, К.Ф. РЫЛЕЕВ И СЮЖЕТЫ ДРЕВНЕЙ СТАРИНЫ

ОЛЬГА А. КРИВОШЕЕВА МОТТА

Смотри, как пламенный поэт,
Вниманьем сладким упоенный
На свиток гения склоненный,
Читает повесть древних лет!

(А. Пушкин, *Когда к мечтательному миру*)

Ф. Глинка писал:

Великие деяния, рассеянные в летописях отечественных, блестят
как богатейшие восточные перлы или бразильские алмазы на дне
глубоких морей или в ущелии гор. Стоит только сблизить их, чтобы составить для России ожерелье славы, которому
подобное едва имели Греция и Рим ... Тогда, конечно, взыграет дух
юного россиянина при воззрении на великие доблести и воинскую
славу предков. (В. Базанов 1949: 142-143)

Такое настроение характеризовало литературные круги
русского общества, в котором под влиянием как западных, так
и исконно русских источников романтического течения, стал
оживляться интерес поэтов и писателей к истории России, к
выдающимся людям ее, к историческим сюжетам.¹

¹ Романы В. Скотта становятся известны русскому читателю с двадцатых годов XIX века. Уже в 1797 г. в октябрьском номере Гамбургского журнала Караван публикуют статью, содержащую одну из первых печатных оценок *Слова о полку Игореве*. В 1816 г., еще до выхода в печати, в литературных кругах были прочитаны Караваном главы из *Истории Государства*

У А. Пушкина, однако, то высокое вдохновение, которым прониклись молодые литераторы того времени, не находило адекватного творческого воплощения: будучи в Лицее, поэт хотел написать ироническую поэму «Игорь и Ольга», а «написал эпиграмму на Шаховского, Шихматова и Шишкова...»;² посещения заседаний общества «Зеленая лампа» и горячие застольные споры о знаменитых людях русской истории не воодушевили поэта.³

Интерес к истории, к легендарным событиям ее пробуждается и активизируется у Пушкина в годы южной ссылки (1820–1824 гг.).⁴ Поэт знакомится с Кавказом, Таврией, Бессарабией, этими отдаленными уголками России, навеявшими на Пушкина такие имена как Олег, Игорь, Мстислав ... Здесь поэт глубоко почувствовал связь времен:

В уединении мой своюерный гений
Познал и тихий труд и жажду размышлений.⁵

Период южной ссылки оказался для Пушкина и плодотворным в творческом плане и немаловажным этапом в эволюции творческого процесса поэта. В письме к А. Дельвигу от 23

Российского, первые 8 томов которой выпускаются в 1818 г. В 1818 г. выходит второе издание сборника К. Данилова, выполненное на более высоком уровне и этот сборник долгое время был источником фольклорных сюжетов для русских писателей.

² Дневниковая запись поэта относится к 10 декабря 1815 г., в *Песни о вещем Олеге. Князь Игорь и Ольга на холме сидят...*

³ Общество «Зеленая лампа» начало деятельности которой относится к 1819 г., было основано Н.В. Всееволжским. На заседаниях общества писали, объяснялись свободно на любые темы, а также обсуждались материалы, связанные с русской историей. В целях укрепления духа патриотизма были написаны жизнеописания Козьмы Минина, Святослава, Олега, Аскольда и Дира, Владимира, Рогнеды, Ярополка. Я. Толстым был составлен *Список знаменитым людям Российского Государства от Рюрика до великого князя Михаила II* (1174–1176). Подробно об этом обществе см.: Томашевский 1956: 193–223. Пушкину же была ближе вакхическая сторона заседаний общества: Гoriшь ли ты, лампада наша, / Подруга блений и пиров? / Килишь ли ты, златая чаша, / В руках веселых остряков?

⁴ За оду *Вольность*, как известно, Пушкина ссылают на юг. Сначала в Кишинев в мае 1820 г., где он находится на службе у Инзова. В июле 1823 г. Пушкина переводят на службу к Воронцову в Одессу.

⁵ Ссылки на произведения Пушкина относятся к изданию: Пушкин 1981.. Здесь с. 263. Ссылки на автограф — Пушкин.1937–1949, т. II, сс. 741–743.

марта 1821 года поэт, после окончания поэмы *Кавказский пленник*, сообщает:

... еще скажу тебе, что у меня в голове бродят еще поэмы ... Я перевариваю воспоминания и надеюсь набрать вскоре новые ...
(Переписка 1982: I, 372)

Именно на юге, где «полуденный берег и Бахчисарай» имеют для Пушкина «прелесть неизъяснимую», появляются, кроме уже названной, поэмы как *Бахчисарайский фонтан*, *Цыганы*⁶, здесь же рождается замысел романа в стихах *Евгений Онегин*, над которым поэт и начинает работать.⁷

На юге же А.Пушкин пишет и балладу *Песнь о вещем Олеге*, она датирована — 1 марта 1822 года. Выходит это произведение в «Северных цветах» на 1825 год.⁸ Баллада воспринимается критикой по-разному, это

... прелестные игрушки, а не отпечаток дарования (СО 1825: II, 205-206)

Песнь о вещем Олеге «несколько отстает» от других произведений поэта:

В ней есть все, кроме пылкости Пушкина и той обворожительной прелести, игривости в стихах, которую мы лучше постигаем, нежели умеем выразить (СО 1825: III, 309).

В рецензии на «Северные цветы» П. Плетнев особое внимание уделил *Песни о вещем Олеге* как образцу национальной поэзии:

Имена лиц, верность происшествий, место действия, упоминаемые в стихотворении, прозаически только делают его национальным. Поэзия требует резких красок, душевной полноты, быстрого воодушевления. Кто в состоянии соединить все это и оживить целую картину необходимыми для поэзии подробностями избранного им времени и места, тот не напрасно будет воскрешать

⁶ Наряду с названными поэмами, были написаны *Гаврилиада*, *Братья разбойники*, было создано большое количество лирических произведений.

⁷ Работа Пушкина над *Евгением Онегиным* продолжалась более восьми лет: начатая в Кишиневе 9 мая 1823 г., она была закончена осенью 1831 г. По набросанному плану видно, что поэт предполагал разбить роман на три части, по три главы — «песни» в каждой.

⁸ «Северные цветы» на 1825 год вышли в свет в конце декабря 1824 г.

давноМинувшие события: они сделаются священными для современников и потомков (Соревнователь 1825: 106-110).

Плетнев связывает характеристику, данную *Песни*, с основным вопросом, занимавшим тогда русскую критику: о национальном начале в литературе. Для Пушкина *Песнь* представляет собой нечто иное и он не разделяет этой оценки Плетнева «унылого элегика»:

Как ты находишь статью, что написал наш Плетнев? экая ералаш! (Переписка 1982: I, 193)

Новизна этого произведения чувствовалась Пушкиным еще в 1823 году в сравнении с вышедшей думой К. Рылеева *Олег Вещий*; поэт подчеркивает своеобразие *Песни* и в письме к А. Бестужеву — конец января 1825 года:

Тебе, кажется, «Олег» не нравится; напрасно. Товарищеская любовь старого князя к своему коню и заботливость о его судьбе — есть черта трогательного простодушия, да и происшествие само по себе в своей простоте имеет много поэтического (Переписка 1982: I, 470-471).

В критике новизна *Песни о вещем Олеге* впервые ощущается В. Г. Белинским. Критик делит произведения Пушкина на три периода: «лицейские» стихотворения, «переходные» стихотворения, в которых была «видна живая историческая связь Пушкина с предшествовавшою ему литературою, и они перемешаны с пьесами, в которых виден уже зрелый талант и в которых Пушкин является истинным художником новой поэзии на Руси», и «пьесы чисто пушкинские», в которых Пушкин «резко отделяется от всех предшествовавших ему поэтов» (Пушкин 1953: 119, 125).

Песнь о вещем Олеге включена Белинским в число «переходных» стихотворений, однако, критик тут же выделяет ее:

Песнь [...] совсем другое дело [...] Вся пьеса эта удивительно выдержана в тоне и в содержании; последний куплет удачно замыкает собою поэтический смысл целого и оставляет на душе читателя полное впечатление ... Нельзя того же сказать о всех «переходных» пьесах Пушкина в отношении к выдержанности и целостности [...] Этого недостатка совершенно чужды пьесы чисто пушкинские (Пушкин 1953: 124-125).

Вот высказывания Белинского в отношении *Сна* — отрывка из неосуществленной поэмы *Вадим*:

... для поэмы нужно действительное содержание, и ее героями могут быть только действительные люди, а не ученые фантазии и не исторические гипотезы ... (Пушкин 1953: 124).

Вадим связывается критиком с предшествовавшей традицией, а *Песнь о вещем Олеге* «резко» от нее «отделяется». Для Белинского, в 1841 году становится главной проблема «верности» художника «действительности», т.е. проблема реализма, понятия, возникшего позже (термин «реальная проза» был, как известно, впервые употреблен Белинским в 1835 году), а определение художник «действительности», которое в сущности принадлежит Пушкину⁹ стало исходным для статей Белинского о Пушкине.

«Общественное», «социальное», «личное» находились у Пушкина в неразрывном единстве. В каком контексте обстоятельств появилась *Песнь о вещем Олеге*? Посещение Пушкиным новых мест, общение его с кишиневским кругом друзей и знакомых, с членами тайного общества и связанными с ними лицами, разочарование в друзьях, забывших его, тоска по Петербургу, перемены в людях, которые наблюдал он сам, сложное переплетение моментов биографии поэта и политической ситуации в России и Европе — все эти внешние обстоятельства не могли не способствовать внутренне созданию того или иного произведения.

Появление *Песни о вещем Олеге* связывается непосредственно с влиянием В.Ф.Раевского на Пушкина.¹⁰ В. Раевский, представлявший собой республиканца, общаясь с поэтом в Кишиневе, хотел внушить ему идеал певца-декабриста. В стихотворном послании *К друзьям*, арестованный Раевский боль-

⁹ В 1830 г. в рецензии на альманах «Денница» Пушкин обобщает свою поэзию словами: «... Пушкина, поэта действительности...» (1949: VII, 116).

¹⁰ Л. Гроссман писал: «Раздумье о судьбе Раевского, быть может, оживило в памяти Пушкина проповедь его заключенного друга о творческой разработке родной старины. Пушкин вспоминает приведенный Карамзиным рассказ летописца о смерти Олега...» Однако, в трактовке *Песни* чувствуется тенденциозность, характерная критической мысли 30-х годов — видеть в Пушкине только поэта-борца за свободу: «Этот принцип независимости поэта, правдивости и свободы его языка звучал особенно гордо и мужественно в обстановке политической ссылки» (1939: 254).

шей частью обращается к Пушкину (*Песнь к этому времени была уже написана*):

Холодный узник отдает
Тебе сей лавр, певец Кавказа:
Оставь другим певцам любовь.
Любовь ли петь, где брызжет кровь ...

Как это хорошо, как это сильно! — воскликнул он (Пушкин О.К.М.).
Мысль эта мне нигде не встречалась, она давно вертелась в моей голове: но это *не в моем роде*, это *в роде тираспольской крепости*, а хорошо ... (подчеркнуто нами О.К.М.).¹¹

Несомненно, тесное общение с Раевским, как впрочем и арест его, оказали влияние на Пушкина: Пушкин отходит от своего романтического идеала, но и не принимает идеала Раевского. Арест Раевского (6 февр. 1822 г.) глубоко потряс Пушкина, он долго размышляет над судьбой декабриста: на глазах поэта Раевский из героя превращается в обыкновенного человека, неизбежающего законов власти. Этот период характеризуется и тем, что Пушкин критически переосмысливает свой творческий путь, чему могут свидетельствовать как неоконченные послания В.Раевскому, так и цикл стихотворений и набросков 1820–1823 годов.¹²

В этом контексте должно рассматривать планы Вадима Пушкина. В основе замысла лежит легендарное предание о герое-новгородце Вадиме, который поднял восстание против Рюрика. Сопоставление фигуры Раевского с героем древней старины могло способствовать замыслу Пушкина. И известно, что в Кишиневе к этой теме обращался и В. Раевский.¹³ Замы-

¹¹ И.П. Липранди познакомился 22 сентября 1820 г. с Пушкиным и находился с ним в близких, дружеских отношениях в течение всего пребывания поэта на юге. Из дневника и воспоминаний, в кн. А. С. Пушкин 1985: I, 342. Поэт «должен быть прежде всего свободен внутренне — от априорно принятых доктрин и предвзятых догматов, от односторонности личных пристрастий и гордой сосредоточенности на себе самом» (Известия 1977: 3, 242).

¹² Наиболее знаменательные стихотворения, отражающие эти раздумья поэта над своим творчеством — *Я пережил свои желанья, Свободы сеятель пустынныи, Демон, Умолкну скоро я..., Мой друг, забыты мной следы минувших лет...* и др. Позднее, отход Пушкина от своего прежнего идеала конкретизуется творчески в образе Ленского, а «избранные» люди оказываются ложными для поэта: «Я говорил пред хладною толпой... / Но, что в избранных я увидел...».

¹³ Образ Вадима, первого защитника свободы, был популярен в литературе

сел как поэмы так и трагедии остается неосуществленным. Сохранилось два отрывка: *Свод неба мраком обложился* являющийся образцом романтического произведения (романтическая условность, намеки на романический узел, признаки ожидающего Вадима подвига); другой отрывок соблюдает классические формы:

Александрийский стих только свежестью языка отличается от стиха Княжнина и Озерова. Такие же «применения», какие мы встречаем в трагедиях позднего классицизма и от которых Пушкин решительно отказался в позднейших драматических опытах ... (Томашевский 1956: I, 442)

Интимное «я», внутренне свободное, повело Пушкина по новому пути, по пути «простодушного» изображения героя, где слово «простодушие» для Пушкина означает простоту изображения, правдивость и верность изображаемого,¹⁴ это видно из его оценки творчества Публия Овидия Назона:

В сих последних (Элегиях pontийских О.К.М.) более истинного чувства, более простодушия, более индивидуальности и менее холодного остроумия. Сколько яркости в описании чуждого климата и чуждой земли! Сколько живости в подробностях! И какая грусть о Риме. Какие трогательные жалобы! (Пушкин 1949: VII, 421).

Неосуществленным остался и замысел о Мстиславе, на котором остановимся подробнее. Мысль о Мстиславе, одном из русских князей XI века, который в единоборстве одолел князя косогов Редедю, не оставляла Пушкина на протяжении двух лет после завершения поэмы *Руслан и Людмила*, с 1820 года.

начиная с конца XVIII века: трагедия Я. Княжнина *Вадим Новгородский*, напечатанная после смерти автора в 1793 г., а затем запрещенная; поэма М.Хераскова; трагедия Екатерины II, в которой оправдывается монархия; неоконченная дума К. Рылеева *Вадим*. Критики сходятся во мнении, «что тема *Вадима* подсказана Пушкину В.Раевским» (см. об этом: Пушкин 1981: III, 355). Героическое и свободолюбивое прошлое, Вадим Новгородский и Марфа Борецкая — характерные персонажи декабристской литературы.

¹⁴ Конкретность деталей, умение передавать Овидием психологических нюансов, жесты, мимика не проходит бесследно для творчества Пушкина: Здесь, оживив тобой мечты воображенья, / Я повторил твои, Овидий, песнопенья ... Комментируя Кавказского пленника в письме к В.П.Горчакову в 1822 году, Пушкин писал: «Черкесы, их обычаи и нравы занимают большую и лучшую часть моей повести...»

Известно, что эпилог *Кавказского пленника* был воспринят современниками как «обещание поэта»:

Богиня песен и рассказа
Воспоминания полна,
Быть может, повторит она
Преданья грозные Кавказа,
Расскажет повесть дальних стран,
Мстислава древний поединок ...

Внимание поэта привлек поединок Мстислава с Редедей, упоминаемый и в *Слове о полку Игореве*, с которым Пушкин был знаком еще раньше:

Тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедей:
которыми дотечаше,
та преди пѣснь пояше -
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
иже зарѣза Редедю предь пѣлки касожьскими ... (Повести 1983:378)

Этот поединок произошел на севере Кавказа, в местах, которые посетил поэт вместе с семьей Раевских в 1820 году. В примечании к поэме *Кавказский пленник* Пушкин пишет:

Мстислав, сын св. Владимира, прозванный Удалым, удельный князь Тмутаракана (остров Тамань). Он воевал с косогами (по всей вероятности, нынешними черкесами) и в единоборстве одолел князя их Редедю. См. *Ист. Гос. Росс. Том II* (Пушкин 1981: III, 97)

Запись эта относится к маю 1821 года. Поэма о Мстиславе, таким образом, находится еще на уровне замысла, а поэт уже охвачен новым сюжетом, основанном на истинном произшествии — речь идет о поэме *Братья разбойники*. Это произведение было написано в конце 1821 года, сохранился, однако, отрывок из этой большой поэмы, уничтоженной Пушкиным, по его словам, после написания. (Переписка 1982: I, 460) Интересно отметить, что черновой набросок начала *Братьев разбойников* (первый план) написан четырехстопным амфибрахием, как стих *Черной шали* и стих *Песни о вещем Олеге*.¹⁵

¹⁵ Ср.: Гляжу как безумный на черную шаль, / И хладную душу терзает печаль... / Курган? серебрился? при яркой луне. / Купец обробелый скакал на коне...

Из набросков плана поэмы о Мстиславе видно, что Пушкин хотел смешать в этом произведении самые разные элементы: и летописный рассказ, и миф об амазонках, взятая из былин и сказок история об Илье Муромце и его сражении с сыном, упоминается и Добрыня, и многочисленные описания сражений (*des grands combats et des combats encore*), и духи, и боги языческие, здесь и чародейка, увлекающая героя, «ладья и дева», остров наслаждений, пустынник, пророчествующий участь России, и возможно, личные впечатления в описаниях Кавказа. На фоне этих событий должна была разыграться романническая история Мстислава с царевною косогов — волшебницей (Амазонкой — Армидой) или дочерью волшебницы.

И здесь уже видно, что Пушкин свободно обращается с историческими фактами. В *Повести временных лет* поединок Мстислава с Редедей произошел в 6530 (1022) году, т.е. через 7 лет после смерти Владимира, наступившей в 6523 (1015) году. В плане — «Владимир разделив на уделы Россию, остается в Киеве», «Владимир в отчаянии» (Пушкин 1936: II, 477–478).

Пушкин оставляет в стороне и борьбу Мстислава с Ярославом и последующее заключение мира с Ярославом, поход братьев на поляков. В плане, в сражениях участвуют /Духи/ и /Боги языческие/, изгнанные крещением. В летописи Мстиславу помогает Богородица одолеть Редедю:

... И яста ся бороти крѣпко, и надолзѣ борющемся има, нача изнемагати Мъстиславъ: бѣ бо великъ и силенъ Редедя. И рече Мъстиславъ: О пречистая Богородице, помози ми. Аще бо одолѣю сему, сзижю церковь во имя твое. И се рекъ, удари имъ о землю. И вынзе ножъ, и зарѣза Редедю ... И пришедь Тымутороканю, заложи церковь святыя Богородица, и созда ю, яже стоить и до сего дне Тымуторокани (Повести 1983: 76–77).

В этом же 1822 году Пушкин делает наброски сказки о Бове, «но, судя по приведенным [...] планам, думал разработать ее иначе, — по-видимому, как сказочную поэму вроде *Руслана и Людмилы*» (1936: II, 605). Поэма шутливо-фантастического характера уже не удовлетворяет поэта: замыслы *Мстислава* и *Бовы*, как впрочем и поэмы об Актеоне, остаются неосуществленными.

Прямых указаний на замысел *Песни о вещем Олеге* не име-

ется. Запись, сделанная Пушкиным в кишиневской тетради 1821 года, «Олег — в Византию — Игорь и Ольга — поход»¹⁶ свидетельствует о том, что поэт собирался воспеть именно героический поход киевского князя: «в Византию — поход». Эта запись сделана за год до создания баллады и под впечатлением от поездки Пушкина с А. Л. и В. Л. Давыдовыми в Киев в январе-феврале 1821 года, где, кроме ярмарки и карнавала, поэта заинтересовала гора Щекавице, на которой «есть же могила его и до сего дни, словить могила Ольгова».¹⁷ Пункты этой записи близки к подзаголовкам V главы *Истории Государства Российского* Н. Карамзина:

Завоеванія Олеговы. Нашествие Угровъ. Супружество Игоря. Россіяне служать въ Греціи. Олегъ идеть на Царьградъ. Миръ съ Греками. Договор съ Имперіею. Кончина Олега. (Карамзин 1818: I, 122).

Проходит, однако год, прежде чем поэт опять обратился к сказанию: он редко оставлял в забвении сюжеты, мотивы некогда взволновавшие его:

Я перевариваю воспоминания и надеюсь набрать вскоре новые: чем нам и жить, душа моя, под старость нашей молодости — как не воспоминаниями? (Переписка 1982: I, 372)

Пушкин, по данным *Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина* М. Цывловского, работает над поэмой *Вадим* (январь-июнь 1822 года), а 1 марта того же года появляется *Песнь о вещем Олеге*. Размышления поэта над героям Вадимом приводят к созданию другого героя русской истории — Олега, а такие слова как, *Перун, чело, старец, сон, кости*, могут свидетельствовать о лексической близости *Песни и Вадима*.

С другой стороны, очевидна и близость образа Олега с образом Мстислава.¹⁸ *Песнь о вещем Олеге* начинается:

¹⁶ Запись сделана в кишиневской тетради Пушкиным в 1821 году с планом *Братьев разбойников*.

¹⁷ «И плакашася людье вси плачерь великим, и несома и погребоша его на горѣ, еже глаголеться Щековица...» — *Повесть временных лет* (Повести 1983: 37).

¹⁸ Известно, что *Песнь о вещем Олеге* фразеологически близка к сказанию о смерти Олега в так называемой *Львовской летописи* 1972 года (см.: Немировская 1949).

*Как ныне собирается вещий Олег
Отмстить неразумным хазарам ...*

В *Истории Государства Российского* упоминаются походы Олега с целью подчинить себе народы, соседствовавшие с Киевом и платившие дань хазарам:

Въ слѣдующие два года (884, 885) Князь Российский овладель землею Днѣпровских Сѣверянъ и сосѣдственныхъ съ ними Радимичей. Он побѣдилъ первыхъ, освободилъ ихъ отъ власти Козаров ... Радимичи [...] добровольно согласились давать Россіянамъ то же, что Козарам [...] Олег уничтожилъ господство Хана Козарского въ Витебской и Черниговской Губерніи. Сей Ханъ дремаль, кажется, въ пріятностяхъ Восточной роскоши и нѣги: изобиліе Тавриды, долговременная связь съ цвѣтушимъ Херсономъ и Константино — полемъ, торговля и мирная искусства Греціи усыпили воинскій духъ въ Козарахъ, и могущество ихъ уже клонилось къ паденію. (Карамазин 1818: 126-127)

В *Повести временныхъ летъ* эти события описываются такъ:

Въ лѣто 6392 (884) Иде Олегъ на сѣверяне, и побѣди сѣверяны, и възложи на нь дань легъку, и не дасть имъ козаромъ дани платити, рекъ: Азъ имъ противень, а вам не чemu. (Повести 1983: 33)

Въ лѣто 6393 (885) Посла къ радимичемъ, рѣка: «Кому дань даете?» Они же рѣша: Козаромъ. И рече имъ Олегъ: Не дайте козаромъ, но мнъ дайте ... (Повести 1983: 33)

Как видно, события эти относятся ко времени задолго до того, когда народ прозвал Олега *вещим* — а именно: до победного похода его на Царьград в 907 году:

И приде Олегъ къ Киеву, неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье. И прозваша Олга — вѣщий: бяху бо людье погани и невѣгласи [...] живяше [...] миръ имѣа ко всѣмъ странамъ, княжа въ Киевѣ. (Повести 1983: 36)

Походы же Мстислава осуществляются с целью уничтожения Хазарского ханства:

Сей Князь, рожденный быть Героемъ, хотѣль войны и побѣды: Император Греческій предложилъ ему уничтожить Державу Каганову въ Тавридѣ. Искавъ дружбы Козаровъ [...] Греки искали ихъ погибели [...] Вождь Императорскій, въ 1016 году присталъ къ берегамъ Тавриды, соединился съ войскомъ Мстислава, и въ самомъ

первомъ сражениі плѣnil Кагана, именемъ Георгія Цула. Греки овладѣли Тавридою, удовольствовавъ Мстислава одною благодарностю или золотомъ. — Такимъ образомъ пала Козарская Держава (Карамзин 1892: II, 15)

Пушкин творчески обрабатывает поход Мстислава на хазар и связывает его с Олегом. Расширяя летописное сказание, поэт обогащает характеристику князя Олега: он привлекает и тот лексический материал, который используется при описании Мстислава:

Сей Князь, прозванный Удалымъ, не испыталъ превратностей воинского счастія: сражаясь, всегда побеждалъ: ужасный для враговъ, славился милостію къ народу и любовію къ вѣрной дружинѣ; веселился и пировалъ съ нею подобно великому отцу своему, слѣдуя его правилу, что Государь не златомъ наживаетъ витязей, я съ витязями злато ... (Карамзин 1982: II, 18)

В *Песни*:

Завидует недруг столь дивной судьбе
Победой прославлено имя твое
И волны и суша покорны тебе
С дружиной своей ...
Вы, отроки-други ...
Пирует с дружиною вещий Олег
При звоне веселом стакана
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они ...

Мстислав, «... рожденный быть Героемъ, хотель войны и побѣды ... Уверенный въ своемъ воинскомъ счастіи ...», у Пушкина Олег:

Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твое;

:Храбрость, искусство и счастіе Мстислава ...», в *Песни кудесник* говорит Олегу:

И праща, и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы ...
Под грозной броней ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Итак, многие черты Мстислава-героя, также как и его походы

перерабатываются Пушкиным и связываются с Олегом.¹⁹ В автографе, однако, образ Олега-героя дан сильнее и конкретно о смерти не говорится:

И вновь, как на тризну, стремишься на брань
И новой победой прославлен
Твой меч собирает кровавую дань
Твой недруг лукавый раздавлен -
И тайный хранитель могущему дан
Но ты под бронею не ведаешь ран.
И ветер в часы непогоды
Но знаю, но вижу паденье твое ...

В окончательном тексте эта характеристика сокращается (вышеприведенные строки не вошли в *Песнь*) и кудесник предвещает:

Но примешь ты смерть от коня своего ...

Сравнивая автограф с окончательным текстом стихотворения, видим, что при отборе материала внимание Пушкина переключается на чисто человеческие качества: акцентировка в окончательном тексте смещается с героики князя на его душевые движения. Это смещение наблюдается в сцене прощания Олега с конем:

Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай! уж не ступит нога
В твое позлащенное стремя.
Прощай, утешайся — да помни меня ...

Отметим, что слово «конь» в строке автографа заменяется словом «друг»²⁰

¹⁹ Такое изображение персонажа, включающего в себе и черты и атрибуты других персонажей можно увидеть и в сказках Пушкина, в частности в *Сказке о попе и работнике его Балде*.

²⁰ На память приходит раннее стихотворение Пушкина *Сраженный рыцарь*, написанное в 1815 году, где передана, проникнутая романтизмом, привязанность коня к своему хозяину — «сраженному рыцарю»:

Вокруг холма обходит друг сильного коня;
В очах горделивых померкнул огонь.
Он бранную голову клонит.
Беспечным копытом бьет камень долин.
И смотрит на латы конь верный один,

Спи, (конь) друг одинокой.

«Товарищеская любовь старого князя к своему коню»²¹ делает Олега уязвимым, а предсказание кудесника вызывает у него глубокие чувства:

Олег усмехнулся — однако чело
И взор омрачилися думой.
В молчанье, рукой опервшись о седло,
С коня он слезает угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

Душевные движения Олега, как видим, передаются через его отношение к коню, который для него: «верный конь», «друг», «товарищ», «верный слуга», «конь мой ретивый», где перестановка прилагательного как и вставка притяжательного местоимения снимают ощущение высокого стиля (ср.: «друг сильного конь», «конь верный один», «конь ретивый» в *Сраженном рыцаре*). В этом плане и речь Олега соответствует его чувствам: она лишена какой-либо тени риторики и близка к фамильярно-бытовому стилю.

Двойственность построения образа Олега очевидна: с одной стороны — это герой, победитель, славный воитель:

Под грозной броней ты не вedaешь ран ...

И дико трепещет, и стонет.

Заржал конь ретивый — скок летом на холм —
Взглянул... и главою склонился...

Здесь иначе сочетается четырехстопный амфибрахий с трехстопным, чем в *Песни*.

²¹ В ссылке, как известно, Пушкин остро чувствует и переживает отдаленность от «минутных друзей минутной младости». В *изгнанье скучном, каждый час...* В письме к брату от 24 января 1822 года поэт пишет: «Представь себе, что до моей пустыни не доходит ни один дружний голос — что друзья мои как нарочно решились оправдать элегическую мою мизантропию — и это состояние несносно» (Переписка 1982: II, 13). В сентябре 1822 года Пушкин писал Я.Н.Толстому: «Ты один из всех моих товарищей, минутных друзей минутной младости, вспомнил обо мне. Кстати или некстати, два года и шесть месяцев не имею от них никакого известия, никто ни строчки, ни слова...» (Переписка 1982: I, 335–336). Этот субъективно-лирический элемент находит свое воплощение не только в поэтической стороне стихотворения: «товарищеская любовь старого князя к своему коню и заботливость о его судьбе», Этот элемент мог вполне способствовать смещению акцентировки в *Песни*.

с другой стороны — это обыкновенный человек с его слабостями, с присущими для него чувствами: страх перед смертью, огорчение, переживание, сожаление:

Могучий Олег головою поник ...
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твое предсказанье ...

Достигнутая психологическая правда в душевых движениях Олега настолько сильна, что «... историческая личность превращается в нашего собеседника, а мы — в его современников» (Сиповский 1909: III, 96):

Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более и «ли» менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычая, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу (Пушкин 1936: V, 271).

Это для Пушкина будет в дальнейшем необходимым условием при создании исторической повести, в которой личность и окружающая среда определенной исторической эпохи дается в строгом соответствии с «духом времени». Эта эстетическая позиция поэта вырисовывается уже в *Песни о вещем Олеге*.

В *Песни* передана атмосфера языческой Руси — вера в языческие боги, пиршество в память умершего, могила-холм:

Покорный Перуну старик одному,
В мольбах и гаданьях провел весь век.
Ковши круговые, запеняясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;

О походе Олега на Царьград и его блестящей победе читатель узнает из следующих строк:

С дружиной своей, в цареградской броне.
Твой щит на вратах Цареграда:

Обряд заклания коня на могиле древнерусского воина восходит к *Истории Государства Российского* Н. Карамазина. Пушкин творчески переработал его, соединив похоронные обряды славян российских — кривичей, северян, вятичей, радимичей, которые «творили над умершими тризну...» с обрядами киевских и волынских славян, среди которых «... близнецы умершаго... закалали на могиле любимого коня...» (Ка-

рамазин 1818: I, 102-103). В *Песни*:

На тризне уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Исторические детали в *Песни о вещем Олеге* служат уже не фоном для рассказа, а для передачи исторически верной окружающей среды, обычаев. *Песнь* Пушкина воспринимается как «художественный вызов, стилистический протест против классической традиции литературного ... изображения Олега» (Виноградов 1941: 431) в 1823 году, когда поэт знакомится с только что вышедшей в печати думой К.Рылеева *Олег Вещий*.

Обращение А.Пушкина и К.Рылеева к одному и тому же образу древнерусской литературы и в одном и том же году можно считать чистым совпадением, поскольку поэты в тот период не находились в переписке и не были друзьями.²² Сюжет об Олеге никак не мог перейти от одного поэта к другому.²³

²² Знакомство Пушкина и Рылеева относится к сентябрю 1819-февралю 1820 гг. Тогда между ними по неизвестным причинам произошла размолвка. Рылеев первым делает шаг к сближению с Пушкиным, как видно из письма поэта к А.А. Бестужеву 21 июня 1822 года: «С живейшим удовольствием увидел я в письме вашем несколько строк К.Ф. Рылеева, они порука мне в его дружестве и воспоминании». Переписка между поэтами относится к 1825 году, сохранилось 3 письма Пушкина к Рылееву и 8 писем Рылеева к Пушкину (Переписка 1982: I, 459).

²³ «Соображения Н.О. Лернера, что строки о Рылееве в черновике *Песни о вещем Олеге* — имеется в виду приписка, сделанная Пушкиным по поводу герба России, — является доказательством того, что на самую «мысль о балладе Пушкина легко могла навести и вероятно навела дума Рылеева» (Пушкин, изд. Брокгауз-Ефрон, т. II, СПБ, 1908, с.592-593), основаны на незнакомстве с подлинной рукописью Пушкина: примечание к слову *щит* является позднейшей припиской к тексту *Песни о вещем Олеге*, т.е. относится не ко времени создания последней (1 марта 1822 г.), а к моменту ее пересмотра после появления в печати стихов Рылеева» (Рылеев 1934: 410). — Отметим, что в том же, 1822 году, еще один поэт А.П. Степанов воспользовался сюжетом об Олеге и написал стихотворение *Смерть Олега*, которое было представлено 8 июня в Санктпетербургское Общество Любителей Словесности, Наук и Художеств (см. Арх. Общества, «Журнал Общества Любителей Словесности...» за 1822г.). Ни Пушкин, ни Рылеев не упоминают об этом произведении. Пушкин еще раз обращается к образу Олега в небольшом стихотворении *Олегов щит*, написанном в 1829 году по поводу русско-турецкой войны 1828-1829 гг., в ходе которой России не удалось овладеть Константинополем.

В 1820 году К. Ф. Рылеев знакомится с Н.И. Гнедичем, П.А. Катениным и Ф. И. Глинкой, в 1821 году сближается с А.А. Дельвигом, а в апреле того же года Дельвиг выдвигает кандидатуру Рылеева в члены «Вольного общества любителей российской словесности». Тесное общение с Ф. Глинкой, который в свое время был активным участником общества «Зеленая лампа», с Н. Бестужевым, Н. Гнедичем, работа членов, направленная на развитие чувства патриотизма, несомненно отвечало интересу Рылеева к истории и к жизни выдающихся людей русского прошлого. Выход в свет девятого тома *Истории Государства Российского* Н. Карамзина явился толчком для создания произведений на сюжеты из жизни исторических лиц. В письме к Ф. В. Булгарину от 20 июня 1821 года Рылеев писал:

В своем уединении прочел я девятый том «Русской истории». Ну, Грозный! Ну, Карамазин! — Не знаю чему больше удивляться, тиранству ли Иоанна или дарованию нашего Тацита. Вот безделка моя — плод чтения девятого тома (Рылеев 1934: 400).

Курбский — «плод чтения девятого тома», первая дума поэта:

Обязанность каждого писателя — быть для соотечественника полезным, и я, по возможности желая исполнить долг сей, предпринял подобно польскому знаменитому стихотворцу Немцевичу, написать исторические Думы, стараясь напомнить в оных славнейшие или, по крайней мере, достопримечательнейшие деяния предков наших (Рылеев 1956: 364).

Рылеев своими думами как бы воскрешает «Список знаменитым людям», предложенный еще в «Зеленой лампе»: Олег — Ольга — Святослав — Святополк — Рогнеда — Владимир — Мстислав Удалой — Михаил Тверской — Дмитрий Донской и др.

В думе *Олег Вещий*, основанной на летописном рассказе о налете на Царьград князя Олега в 907 году, Рылеева привлекла именно деятельная сторона жизни киевского князя. Эстетический идеал Рылеева, как впрочем всех романтиков-декабристов, был обращен к героям русской старины, к идеализаторскому толкованию как исторических событий, так и исторических лиц. Перед читателем рылеевский Олег — не лицо, с присущими для живого человека чертами, а Олег — идеальный образ воителя, победителя, окруженного ореолом

победы и славы:

Собрал полки Олег
И с ними полетел грозою
На Цареградский брег.

«Идем, друзья!» — рек Князь России
Геройским племенам —
Ишел по суще к Византии,
Как в море по волнам.

Объятый праведным презреньем
Берет Князь Русский дань...

Но в трепет гордой Византии
И в память всем векам,
Прибил свой щит с гербом России
К Царь-градским воротам.

Успехом подвигов довольный
И славой в тех краях ... (Рылеев 1934: 116-118).

Для Рылеева была важна не жизненная правдивость действующего лица, Олега, а только героика киевского князя: Олег изображен с чертами типичными для героя — «полетел грозою», «Сгараая пылкой жаждой боев», «Раскинул грозный стан», «В сердцах убийством хладным дышут», «замыслив приступ смелый», «Объятый праведным презреньем», «Князь России», «Вещий» ...

В этой связи Олег лишен чувств, он не переживает, не сомневается, не говорит, за исключением фразы-призыва «Идем, друзья!», а текст выдержан в высоком стиле.

Для Рылеева как романтика-декабриста была важна правдивость исторического предания на сегодняшний день, особенно его действенность на свободолюбивые умы.²⁴

²⁴ В статье 1825 года *Несколько мыслей о поэзии*, не признавая ни романтической, ни классической поэзии, Рылеев пишет: «Истинная Поззия в существе своем всегда была одна и та же, равно как и правила оной. Она различается только по существу и формам, которые в разных веках приданы ей духом времени, степенью просвещения и местностью той страны, где она появилась». Однако, Рылеев, и в этом его эстетическое кредо, призывает «уничтожить в себе дух рабского подражания, обратясь к источнику истинной Поззии», употребить «все усилия», чтобы «осуществить в своих писаниях идеалы высоких чувств, мыслей, вечных истин, всегда близких человеку, и всегда недовольно ему известных» (Рылеев 1934: 373, 375) [подчеркнуто нами О.К.М.]

А.Пушкин прочитал эту думу Рылеева, будучи в ссылке, и в письме к своему брату сообщил следующее:

Душа моя, как перевести по-русски *bévues*? — должно бы издавать у нас журнал *Revue des Bévues*. Мы поместили бы там выписки из критик Воеикова, полудневную денницу Рылеева, его же герб *российский на вратах византийских* (во время Олега герба русского не было, а двуглавый орел есть герб византийский и значит разделение Империи на Западную и Восточную — у нас же он ничего не значит) (Переписка 1982: II, 23-24)

Поэт пересматривает свое произведение после появления думы Рылеева и к слову «щит» делает примечание:

Но не с гербом России, как некто сказал (для рифмы к Византии), во-первых потому, что во время Олега Рос. не имела еще герба. Наш Двуглавый Орел герб Р_{имской} Империи и знаменует разделение ее на Западную и Восточную. У нас же он ничего не значит (Русская Страна 1884: V, 326).

Пушкин писал об этой неточности и самому Рылееву, разбирая весь цикл дум в издании 1825 года:

Ты напрасно не поправил в *Олеге Герба России*. Древний герб, св. Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега ... Летописец просто говорит: Таже повеси щит свой на вратах на показание победы (Переписка 1982: I, 450).

Рылеев знал об этой неточности, однако не исправил ее, поскольку он не считал это промахом, *Олег Вещий* имеет «целью возбуждать доблести сограждан подвигами предков».²⁵

Пушкин обвинял Рылеева не только в этой детали — «Принес свой щит с гербом России», он не принимал духа и тона думы.

Олег Рылеева, да и все его Думы, за исключением *Войнаровского*, который «полон жизни», представлялись Пушкину исторически ложными. Эстетическая позиция Рылеева с обна-

²⁵ А.А. Бестужев в статье *Взгляд на старую и новую словесность в России* пишет о поэте-декабристе: «Рылеев, сочинитель дум и гимнов исторических, пробил новую тропу в русском стихотворстве, избрав целью возбуждать доблести сограждан подвигами предков. Долг скромности заставляет меня умолчать о достоинстве его произведений» (*Полярная звезда* 1960: 23).

женно-дидактической, гражданственной поэзией уже открыто не разделялась Пушкиным. Если в период ареста В. Раевского поэт и колебался в романтическом идеале, хотя ложность этого идеала вырисовывалась уже и в то время, как мы отмечали выше, то в 1825 году Пушкин решительно его отвергает и полемизирует с романтиками. «Кланяюсь планщику Рылееву ... но я, право, более люблю стихи без плана, чем план без стихов» писал поэт А. Бестужеву (Переписка 1982: I, 482). В письме к Рылееву, читаем: «Ох, уж эта мне республика словесности. За что казнит, за что венчает?» (Переписка 1982: III, 441). И в письме к Жуковскому Пушкин опять защищает свою позицию:

Ты спрашиваешь, какая цель у Цыганов? вот на! Цель поэзии — поэзия — как говорит Дельвиг ... Думы Рылеева и целят, а все невпад (Переписка 1982: I, 98-99).

Для Пушкина важны не абстрактные понятия, олицетворенные в классическом герое, не переживания романтического героя, воплощавшего в себе субъективный мир самого поэта, а уже объективные картины жизни человека, природы и общества, мир во всем его многообразии пусть иногда и более прозаических, «простодушных» характеров, людские нравы, обычаи и поступки. Отметим, что в этот период Пушкин работает над *Борисом Годуновым*, *Евгением Онегиным*.

Герои рымеевских дум лишены конкретных примет своего времени, поскольку их монологи и декларации выражают идеи патриотизма, свободолюбия.

В предисловии к заграничному изданию стихотворений К.Ф. Рылеева Н. Огарев писал:²⁶

Рылеев поставил себе невозможную задачу сочетания исторического патриотизма с гражданскими понятиями своего времени: отсюда вышло ложное изображение исторических лиц, ради постановки на первый план глубоко сжившейся с поэтом гражданской идеи.

²⁶ Стихотворения К. Рылеева. С предисловием Н. Огарева. Изд. Искандера. Лондон, 1960, с. XV. Как известно, литературное наследство Рылеева, популяризируется в русских зарубежных изданиях конца 50-х, начала 60-х годов.

Этот литературный спор, свидетельствующий о различии эстетических позиций двух поэтов, возобновляется с новой силой по поводу первой главы *Евгения Онегина*. В письме А. Бестужева к Пушкину от 9 марта 1825 года глубина расхождений между Пушкиным и поэтами-декабристами налицо: Бестужев-романтик отвергал необходимость создания таких характеров как Онегин, он не принимал объективизации некоторых сторон характера современника:

Нет, Пушкин, нет, никогда не соглашусь, что поэма заключается в предмете, а не в исполнении! ... Я вижу франта, который душой и телом предан моде — вижу человека, которых тысячи встречаю наяву ... (Переписка 1982: I, 472).

Пушкин же следует своим сложившимся художественным устремлениям: он настаивает на жизненном изображении исторических характеров. Поэт положительно отзывается о думе Рылеева *Войнаровский*, в которой Мазела представлен как личность сложная и противоречивая: это человек способный быть и смелым героем и «погружаться в бездны греха и преступления». *Войнаровский* «несравненно лучше всех его Дум, слог его возмужал и становится истинно повествовательным, чего у нас почти нет» (Переписка 1982: I, 463), «С Рылеевым мирюсь — Войнаровский полон жизни» (Переписка 1982: II, 30).

К. Рылеев, однако, до конца своей короткой жизни остается поэтом-романтиком декабристской волны, поэтом-гражданином, он гибнет, не отступая от этого идеала.²⁷

²⁷ Гражданственная поэзия Рылеева позднее воскрешается в русской литературе: прямым наследником поэзии Рылеева можно считать Н. Некрасова. Из стихотворений назовем *Поэта и гражданина*, а в поэме *Русские женщины: за образами героинь невольно вырисовывается Наталия Долгорукова из одноименной думы Рылеева*:

Ужасна будет, знаю я,
Жизнь мужа моего,
Пускай же будет и моя
Не радостней его.
Прости и ты, мой край родной,
Прости, несчастный край!
И ты... о город роковой,
Гнездо царей... прощай!

Ср. у Рылеева:

Оценку этого периода Пушкиным можно увидеть в набросках предисловия к *Борису Годунову*, сделанных поэтом позднее, в 1827–1828 годах:

С 1820 года будучи удален от московских и петербургских обществ, я в одних журналах мог наблюдать направление нашей словесности. Читая жаркие споры о романтизме, я вообразил, что и в самом деле нам наскучила правильность и совершенство классической древности ...

Твердо уверенный, что устарелые формы нашего театра требуют преобразования, я расположил свою трагедию по системе отца нашего Шекспира, и принесши ему в жертву пред его алтарь два классические единства [...] я старался заменить сей чувствительный недостаток в верном изображении лиц, времени, развитием исторических характеров и событий, словом, написал трагедию истинно романтическую.

Между тем, внимательнее рассматривая критические статьи, помещаемые в журналах, я начал подозревать, что жестоко обманулся, думая, что в нашей словесности обнаружилось стремление к романтическому преобразованию. Я увидел, что под общим словом романтизма разумеют <произведения, носящие печать уныния или мечтательности> [...] это сильно поколебало мою авторскую уверенность. Я начал подозревать, что трагедия моя есть анахронизм (Пушкин 1936: V, 282–283) [подчеркнуто нами О.К.М.]

«Анахронизмом» была и *Песнь о вещем Олеге*. Сюжеты древней старины, и в частности, сказание о смерти киевского князя Олега от своего коня, занимают довольно важное место в творчестве А.С. Пушкина. Созданная в момент переходного периода, в период кризиса романтического идеала поэта, она, *Песнь*, представляет собой произведение отличающееся от прежних. Это произведение, от которого веет новизной и в котором «верное изображение лиц, времени» делает его «истинно романтическим», ранним на пути к реалистической эстетике. Оговоримся сразу, что нельзя назвать эстетику Пушкина реалистической, однако то, что отбирает и подчеркивает поэт в своей эстетике в этот период — видеть поэзию,

Забыла я родной свой град,
Богатство, почести и знатность,
Чтоб с ним делить в Сибири хлад
И испытать судьбы превратность...

красоту во всех многообразных и бесчисленных явлениях реальной жизни, верность изоображения характеров, под которой поэт подразумевает «точное изображение страстей и душевных движений» невольно ассоциируется с ранним этапом реалистической эстетики.

Двойственность построения Олега, в образе которого читатель видит неприсущие для исторического героя стороны — чувства вызванные предсказанием кудесника, — отдаляет его от героя — «совершенства классической древности». В этом плане Олег предвосхищает собой Бориса Годунова из одноименной трагедии с ее не только «верным изображением лиц, времени», но и «развитием исторических характеров и событий», и в некоторой степени Пугачева из повести *Калитанская дочка*, в которой он предстает перед читателем и как беспощадный мятежник и как человек, помнящий добро. Пушкин «увидел красоту в самой действительности..., (разрушив) барьер, разделяющий сферы прекрасного и сущего...» (Гуревич 1977: 3, 243).

БИБЛИОГРАФИЯ

Базанов В.

1949 Вольное общество любителей российской словесности. Петров заводск 1949.

Виноградов В.В.

1941 Стиль Пушкина. Москва 1941.

Гроссман Л.

1939 Пушкин. Москва 1939.

Гуревич А. М.

1977 Пушкинская концепция романтизма. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка, т. 36, 1977, 3.

Карамзин Н. М.

1818 Исторія Государства Россійскаго. Томъ I. Изд. второе, исправл. Санктпeterбургъ 1818.

1892 Исторія Государства Россійскаго, Томъ II. Санктъ Peterбургъ 1892.

Некрасов Н.А.

1962 Избранные произведения в двух томах. Ленинград 1962.

Немировская К.А.

- 1949 *Песнь о Вещем Олеге и летописное сказание*. — Ученые записки
Ленинградского Государственного Педагогического института
им. А.И. Герцена, т. 76, 1949.

Переписка

- 1982 Переписка А.С.Пушкина в двух томах. Москва 1982.

Повести

- 1983 Повести Древней Руси. Ленинград 1983.

Полярная звезда

- 1960 Полярная звезда. Москва-Ленинград 1960.

Пушкин А.С.

- 1936 Полное собрание сочинений в шести томах. Под ред. М.А.
Цвяловского. Москва-Ленинград. Academia 1936.
1937-49 Полное собрание сочинений. Москва 1937-1949.
1949 Полное собрание сочинений в десяти томах. Москва-Ленинград
1949.
1981 Собрание сочинений в десяти томах. Москва 1981.

Пушкин А.С.

- 1953 А.С. Пушкин в русской критике. Сб. статей. Москва 1953.
1985 А.С. Пушкин в воспоминаниях современников, в двух томах. Мо-
сква 1985.

Русская старина

- 1884 Русская старина, кн. V, 1884.

Рылеев К.Ф.

- 1934 Полное собрание стихотворений. Ред., пред. и примеч. Ю.Г.
Оксмана. Изд-во писателей в Ленинграде 1934.
1956 Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма.
Москва 1956.

Сиповский В.В.

- 1909 История русской словесности. Ч. Ш, вып. I, изд. 2-е. Санктъ Пе-
тербургъ 1909.

Сын отечества

- 1825 Сын отечества, 1825.

Соревнователь

- 1825 Соревнователь. 1825, ч. 29, кн.1.

Томашевский Б.В.

- 1956 Пушкин. Книга первая (1813-1824). Москва-Ленинград. АН СССР
1956.

La Pesn' o veščem Olege (Il *Canto sul saggio Oleg*) ha interessato l'autrice di questo articolo come prima opera completa di A. S. Puškin su argomento annalistico; l'antica *povest'*, rielaborata dal poeta durante l'esilio al sud, costituisce la prima esperienza di narrazione storico-realistica. Puškin, allontanato dalla società moscovita e pietroburghese, dal 1820 poté "seguire lo sviluppo [...] della letteratura unicamente sulle riviste". Le regioni meridionali — la Bessarabia, il Caucaso — suscitarono nel poeta impressioni straordinarie. Avvenimenti lontani, antichi, diventano all'improvviso vicini: è nel sud che si risveglia nel poeta l'interesse per la storia e per i suoi fatti leggendari.

La Pesn' o veščem Olege occupa un posto importante nell'opera di Puškin e assume un ruolo preciso nel successivo sviluppo della letteratura russa. Composto in un momento di transizione, nel periodo di crisi dell'ideale romantico, il *Canto* si distingue dalle opere precedenti. In esso si avverte lo spirito nuovo dei tempi: "la veritiera rappresentazione dei personaggi di un tempo" lo rende "autenticamente romantico". Nel *Canto* i fatti storici non sono più utilizzati per creare lo sfondo dell'opera (com'era stato, per es., per *Ruslan i Ljudmila*), ma diventano parte essenziale del tessuto narrativo. In quest'opera vengono realizzati dei progetti su argomento storico, prima solo abbozzati dal poeta. La duplicità della figura di Oleg conferisce carattere di novità a questo *Canto*: da una parte c'è il principe-eroe, che torna vincitore da Costantinopoli, l'impassibile guerriero dei tempi antichi; dall'altro l'uomo comune con le sue debolezze, con sentimenti non consoni ad un eroe: la paura di fronte alla morte, il dolore, la pietà. La combinazione di queste caratteristiche permette una presentazione poliedrica, oggettiva della figura del principe e le conferisce un rilievo che la differenzia nettamente da quella proposta da Ryleev nella sua *duma Oleg Veščij*. L'Oleg puškiniano anticipa le figure delle opere storico-realistiche dello scrittore: quella di Boris Godunov e quella di Pugačev, presentato da Puškin come implacabile ribelle, ma anche come uomo capace di ricordare il bene ricevuto.

The "Song of wise Oleg" has been dealt with by the author of this article as the first complete work by A.S.Pushkin on an annalistic subject; the ancient *povest'*, re-written by the poet during his exile in the south, is his first attempt at realistic historical narrative. Pushkin, exiled in 1820 from Moskow and St. Petersburg society, was able to "follow the progress... of literature only in the reviews". The South, Bessarabia, the Caucasus, had an extraordinary effect on Pushkin; distant, ancient events become suddenly extraordinary close; here the poet came to the realization that time links everything, here is awakened in him the interest in history and its legendary events.

The "Song of wise Oleg" has quite an important place in Pushkin's work,

and takes on a precise role in the future development of Russian literature. Composed in a moment of transition, in the moment of crisis of the Romantic ideal, the "Song" is a work which is different from preceding works, a work which emanates the spirit of the new, and in which "the truthful representation of the figures of the time" make it "authentically Romantic", a work of transition tending towards Realism, according to the author. In the "Song" historical events are not just part of the background, as development of plot (as they were, for instance, with *Ruslan and Ljudmila*), but become an essential part of the narrative texture. In this work, projects on the subject of history are given, only sketched before by the poet. In the figure of Prince Oleg can also be seen the characteristics of Mstislav; Pushkin also connects certain episodes in the life of the Prince of Tmutorokan' with the doings of Oleg. The double character of the figure of Oleg gives an innovative character to this "Song": on the one hand there is the Hero-prince, who returns victor from Costantinople, the unconquerable warrior of ancient times; on the other hand, the common man with his weaknesses, with feelings out of place for a hero: fear of death, affliction, pity... The combination of these characteristics gives a many-faceted, objective portrait of the Prince (drawing him "in the round", in contrast to the flat portrayal in the *duma* by Ryleev "Oleg Večij"). Pushkin's Oleg anticipates the figures of his historical-realistic works, those of Boris Godunov and Pugačev in "The Daughter of the Captain", whom the author present as an implacable rebel and as a man capable of gratitude.